

БУХГАЛТЕР

***ЖЕВНОВ
КОНСТАНТИН
АЛЕКСАНДРОВИЧ***

16+

Константин Жевнов
Бухгалтер

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жевнов К. А.

Бухгалтер / К. А. Жевнов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99396-9

Эта книга о том каким было или могло быть наше прошлое до глобальной катастрофы. Какой была эта катастрофа и в чем были ее причины. Но это и роман о настоящем. В частности о "прелестях и неожиданностях" принесенных 2020 годом. В центре романа, главный герой Женя Петушков, связывающий собой прошлое, настоящее и даже вполне возможно будущее. Кто этот герой? Супермен, человек-Х, очередной Мститель? Да, нет! Он обычный бухгалтер, но вот только не совсем простой.

ISBN 978-5-532-99396-9

© Жевнов К. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Константин Жевнов

Бухгалтер

Глава 1

По заснеженной равнине шел человек. Да, здесь уже было определенно теплее, чем десятком километров ранее, сказывалась близость к городу. Снег все так же лежал более чем метровым слоем, но тут ноги уже не проваливались при каждом шаге, толстый наст выдерживал вес идущего. Внезапно человек остановился, пригнулся к снежному покрову и присев, смахнул свежавыпавшие хлопья на ладонь второй руки. Он сжал снежинки в комок и вновь принялся рассматривать. Снежок явно включал в себя какую-то грязь. Человек усмехнулся, встал и продолжил свой путь.

Ледяная гряда показалась как всегда неожиданно. В царившем вокруг сумраке, взгляд выделял даже крупные объекты на расстоянии не более пятисот метров. Человек прошел еще метров двести вперед и стал высматривать какие-то одному ему известные ориентиры. Через некоторое время он свернул направо и, пройдя еще метров семьсот, вновь свернул к гряде. В том месте, куда он шел, ледяная гряда была, как будто разрезана узкой прямой расщелиной. Из разреза явно веяло теплым и слегка влажным ветерком.

Человек оглянулся на оставленную за спиной равнину, но граница видимости была до безобразия близко, и все терялось в бурой дымке. Тогда он посмотрел на небо. Буро-рыжее, низкое, с плывущими желтоватыми и красноватыми облаками и разделенное почти идеально с запада на восток толстой, занимающей полнеба полосой аккреционного диска. Полоса была все еще довольно далеко от планеты и не набрала плотности, так что солнце, пока что, через нее просвечивало, окрашивая пылевой диск в цвета от бледно-желтого, до ярко-алого.

Расщелина была прорезана словно бы по линейке, пол был тоже идеально ровным, на нем не было ни мусора, ни ледяных обломков, что выдавало искусственное происхождение прохода. Человек войдя в расщелину, скинул капюшон, подставив теплему ветерку лицо. На ходу он пару раз провел руками по густым усам и бороде, стряхнув с них обильную влагу, появившуюся после того как под теплым ветерком стала таять ледяная изморозь покрывавшая растительность на лице в течение всего путешествия. Человек на ходу снял влажные перчатки, сунув их в карман, и расстегнул куртку.

Когда до выхода из расщелины оставалось всего ничего, путь ему преградила глубокая лужа. Здесь температура уже значительно поднялась, перевалив отметку фазового перехода воды в жидкое состояние. Человек нехотя вошел в воду и побрел к выходу. Вода была ледяной и, несмотря на то, что сапоги были непромокаемыми, успела проморозить ноги практически до костей. Наконец лужа осталась позади, и человек притопывая на ходу, чтобы хоть немного разогнать кровообращение, а заодно отряхнуть воду с меха, покрывавшего обувь снаружи, вышел из ледяного прохода. Перед ним, насколько позволяла видимость, тянулось грязевое месиво, тут и там разрезанное ручьями, стекавшими с ледяной стены, и испещренное лужами да черными корявыми кустами.

Человек знал, что прямо перед выходом из расщелины начиналась дорога, выложенная громадными каменными плитами. Видно было плохо, грязь затянула камень, и он пошел на ощупь, перед каждым шагом нашаривая в грязи каменное основание. Впрочем, грязь длилась не так уж и долго. Через пятнадцать минут человек уже спокойно шагал по каменным плитам и наблюдал вокруг травяное море, сменившее мокрую грязь. Температура поднялась еще выше, и он снял куртку, всерьез подумывая, не стащить ли и свитер. Впереди что-то блеснуло

и в насыщенном пылью воздухе стали проступать силуэты построек, он улыбнулся и зашагал быстрее.

Евгений Петрович проснулся. Этот сон, повторявшийся в мельчайших подробностях не реже, чем пару раз в месяц, и когда-то вызвавший у него нешуточную тревогу по поводу собственного психического здоровья, стал привычен, как утреннее посещение туалета и не вызывал практически никаких эмоций. Часы показывали без четверти восемь и всерьез намекали, что уже, как бы, пора и встать. Евгений Петрович встал, потянулся и с неудовольствием взглянул в зеркало.

За последние полгода он порядком набрал в весе, а отвисший живот и вовсе вгонял в депрессию. Евгений Петрович попытался его втянуть и, помогая ослабшему прессу руками, добился более-менее приемлемого результата, вот только дышать в таком состоянии было решительно невозможно, а после первого же нормального вдоха брюхо выползло наружу и противно заколыхалось. Скорчив зеркалу мстительную рожу, мужчина, почесывая на ходу поясницу, направился в ванну, принять, так сказать, водные процедуры. Внезапно возникшая в мозгу мысль о том, что неплохо было бы хоть зарядку сделать, пронеслась ярким метеором, и угасла, так и не оформившись в действие.

По профессии Евгений Петрович был бухгалтером. Причем, нужно заметить, отличным специалистом своего дела, старой, так сказать, школы. Но именно это ему порядком и мешало. Как специалист он был дорог, а его безупречная репутация еще и удваивала эту стоимость. А нынче в тренде были девочки и мальчики, мало знающие, еще меньше умеющие, зато готовые выполнить любое желание нанимателя и, в общем-то, за небольшие деньги. То, что эта экономия впоследствии грозила компаниям нешуточными штрафами, а при неудачном стечении обстоятельств и судебными делами, обычно в расчет не принималось. Да и кто в этой стране, реально загадывал не то что на годы, а даже и на полгода вперед? Вот то-то и оно, что таких клиентов было мало и становилось все меньше. А уж после объявления очередной пандемии такие и вовсе стали, почти что, зоологической редкостью.

Еще одним серьезным минусом Евгения Петровича было то, что он как черт от ладана бежал от любых упоминаний о счетах на благословенном для предпринимателей всех весовых категорий Кипре, равно, как и на других райских тропических и не очень островах, и даже при упоминании бананово-лимонной офшорной Мекки – Сингапура, морщился, как от застарелой язвы желудка. При выборе, из всех мировых офшорных черных дыр, он как правверный мусульманин, всегда знающий направление на Каабу, неровно дышал лишь к одной Швейцарии. Но в силу определенных сложностей работы и опять же общероссийских трендов это направление не пользовалось у потенциальных работодателей бешеной популярностью.

Тем не менее, Евгений Петрович не бедствовал. Причем отнюдь и даже где-то вовсе. Хотя, с другой стороны, все познается в сравнении. Лет, этак, двенадцать назад, его дела шли значительно лучше, а та часть финансовых потоков, что проходила через его руки была полноводней и оседала в его кошельке обильней. Но и сейчас его финансовое положение было несравнимо с доходами какого-нибудь бюджетного учителя или врача.

Между тем, Евгений Петрович, хотя сам он предпочитал обращение по имени, причем даже в уменьшительном варианте – просто Женя, закончил с чисткой бивней и умыванием лица. Рассматривая свое отражение в зеркале, он решал крайне сложную, можно даже сказать, философскую задачу, близкую многим мужчинам, особенно одиноким, да еще и работающим на удаленке, почти что, по Шекспиру: «Брить или не брить, вот в чем вопрос!». Не придя к осознанному решению этой дилеммы, он плюнул и решил, что, а ну его нафиг и, покинув ванную комнату, направил свои стопы к холодильнику на кухне.

Вообще Женя готовить любил, но исключительно что-нибудь этакое! А вот из простых, можно сказать, рядовых блюд, что-то исключительное сделать было проблематично, да и вре-

мени на это не было, так что с минуту поизучав содержимое холодильного шкафа, он остановил свой выбор, на простейшей яичнице слегка разбавив прозу жизни чашечкой кубинского кофе. Тут нечаянно брошенный на часы взгляд, заставил его сердце болезненно сжаться от ощущения, что все пропало, и он жутко опаздывает, но страх был насквозь фантомным. Евгений Петрович, криво улыбнувшись своей фирменной улыбкой, присущей кроме него лишь Харисону Форду, хотя друзья утверждали, что у Женьки выходит даже лучше, прихватив горбушку хлеба, сел завтракать.

После еды он старательно вымыл посуду, как показал многолетний опыт, если этого не делать сразу, то совершенно неожиданно наступал момент, когда в доме не оставалось ни одной чистой тарелки, а чайник приходилось наливать в ванной. Немного поколебавшись, сварил себе еще одну чашку кофе, правда, качеством похуже, магазинчик в котором он приобретал кубинские товары, с началом самоизоляции, приказал долго жить, а заказанный на самом большом в мире сайте продукт не имел к острову Свободы никакого отношения, кроме названия. Взяв кружку, Евгений прошествовал к своему рабочему столу, грузно плюхнулся в кресло и, шевельнув мышью, оживил систему.

Следующие шесть с половиной часов пролетели как один миг, Женя обработал первичку, сотворил несколько отчетов, провел пару консультаций и подготовил одну аналитическую справку. В принципе он мог справиться и быстрее, но торопиться было особо некуда. Из четырех оставшихся у него солидных клиентов, два семимильными шагами скатывались в пучину скорого банкротства, так как ресторанный и туристический бизнес были в блин раздавлены борьбой с пандемией, а еще два вели дела без прежнего размаха и настороженно выжидали, во что все это вирусное мракобесие в конечном этапе выльется.

Закончив с делами, Евгений Петрович, вновь переместился на кухню, настало время позднего обеда. Вдумчивый осмотр холодильника показал, что, похоже, придется заказывать мерзкий пропуск, в смысле пропуск от мэрии, и, надев намордник, точнее марлевую повязку, призванную защитить носящего ее от ужасного вируса, выдвигаться на закупки продуктов первой необходимости. Женя тяжело вздохнул. Полученное еще в советское время образование ясно показывало ему, что марлевая повязка, так же защищает от вирусов, как рыболовная сеть от дождя, но правительство приказало носить, значит придется. Евгений Петрович вообще был до отвращения законопослушен, что, впрочем, нисколько не мешало ему обходить любые законы, если в них он находил хоть малейшую лазейку, позволяющую это сделать.

Вернувшись к компьютеру, Женя собрался лезть на сайт госуслуг, но внезапно обратил внимание на очередную рекламу: «Доставка продуктов и готовых блюд на дом!». Он задумался. Опыт доставок десятилетней давности подсказывал, что качество доставляемых товаров редко соответствует красивым картинкам на сайте, но заказывать пропуск не хотелось до такой степени, что он решил рискнуть. Евгений Петрович решительно ткнул на рекламную ссылку и попал на сайт прямых конкурентов самого серьезного игрока в сфере поисковых систем. Потратив почти полчаса на регистрацию и выбор продуктов, он, наконец, ткнул мышью в клавишу «Заказ» и стал ждать ответа.

Система около минуты думала и выдала, что доставка будет возможна в течение часа. Женя приятно поразился оперативности и ткнул в клавишу «Доставить». На экране появилась надпись: «Спасибо, что воспользовались нашими услугами! Ожидайте курьера» – Евгений Петрович поднялся из-за стола и вновь направился на кухню ставить чайник. В процессе проведенной на полках шкафа для круп, ревизии, внезапно был обнаружен порядком подсохший, но все еще съедобный пакет, с детства любимого, овсяного печенья. Иначе как улыбкой фортуны такую находку назвать было никак невозможно, а жизнь предстала перед лицом Евгения во вполне радужном свете.

Две огромных чашки свежесваренного сладкого чая и печенье позволили в полной мере, как утолить голод, так и скоротать время до появления курьера. Звонок домофона раздался

внезапно. Женя бросил взгляд на часы и немного удивился, хотя удивление было скорее приятным, с момента оформления заказа прошло всего лишь сорок две минуты. Он подошел к домофону и услышал слегка надтреснутый бас:

– Доставка!

– Открываю! – ответил Евгений Петрович, – Восьмой этаж, квартира шестьдесят че...

– Знаю! – буркнул надтреснутый бас.

Женя пожал плечами и, нажав кнопку разблокировки электромагнитного замка, взял портмоне и, открыв дверь квартиры, вышел на лестничную клетку. Лифт проехал мимо его этажа и, похоже, остановился на девятом. Евгений Петрович изобразил на лице фирменную улыбку и, прислонившись к стене, стал ждать, когда промахнувшийся курьер все же попадет на нужный этаж. Наконец двери лифта открылись, и Женя увидел мужчину в фирменной майке и кепке, довольно грязной маске и огромных солнечных очках, в руках у мужчины была громадная кубическая сумка, так же украшенная логотипом и лист бумаги, видимо, список заказа.

– Вы видимо ко мне, – улыбнулся Евгений Петрович.

– Ага, – согласился надтреснутый бас, – С вас двенадцать тысяч семьсот сорок шесть рублей и двенадцать копеек! – сообщил он, сверившись с бумажкой.

– Хотелось бы вначале осмотреть заказ, – не согласился Женя.

– Да пожалуйста! – хмыкнул мужчина и поставив сумку стал ее расстегивать.

Евгений Петрович непроизвольно сделал пару шагов к лифту, прямо у выхода из которого, стояла сумка, и слегка нагнулся, чтобы внимательно осмотреть содержимое, но вот дальнейшее стало для него неприятным сюрпризом. Сверху на лестничной клетке раздались легкие шаги, а когда Женя, с удивлением уставившись в абсолютно пустую открытую сумку, начал открывать рот для резонного вопроса: «А где?», – то ему сзади прилетело по затылку. Евгений Петрович закатил глаза и без единого звука упал в объятия курьера.

Глава 2

... человек знал, что прямо перед выходом из расщелины начиналась дорога, выложенная громадными каменными плитами. Видно было плохо, грязь затянула камень, и он пошел на ощупь, перед каждым шагом нашаривая в грязи каменное основание. Впрочем, грязь длилась не так уж и долго. Через пятнадцать минут человек уже спокойно шагал по каменным плитам и наблюдал вокруг травяное море, сменившее мокрую грязь. Температура поднялась еще выше, и он снял куртку, всерьез подумывая, не стащить ли и свитер. Впереди что-то блеснуло и в насыщенном пылью воздухе стали проступать силуэты построек, он улыбнулся и зашагал быстрее.

Город окружали высоченные стены, за которыми скрывались даже крыши расположенных внутри зданий, лишь самые длинные шпили выглядывали сверху, но и их не было сейчас видно за бурой дымкой. Стены, отлитые из разноразмерных каменных блоков, имели явно выраженный наклон и, в принципе, при всей своей высоте, не являлись непреодолимой преградой. Отсутствие башен также говорило о том, что их защитные свойства были направлены не на отражение вражеских орд, а для защиты от чего-то другого. В плане, стены образовывали многоугольную конструкцию с ярко-выраженными, далеко вынесенными лучами, что придавало ей вид стилизованной звезды.

Вскоре человек, продолжая двигаться по дороге, добрался до прохода в стене. Арка входа имела высоту около десяти метров, что было чересчур избыточно даже при его почти трех с половиной метровом росте. Стена имела колоссальную толщину, и ему пришлось прошагать под сводчатым потолком без малого пятьдесят метров, прежде чем он, наконец, ступил на мощный плиткой бульвар, опоясывавший городскую застройку по периметру и проходивший вдоль всей стены. С внутренней стороны в стене находились двери по высоте под стать арке, через которую человек прошел вовнутрь, за ними скрывалось множество складских и подсобных помещений, а также проходы в подземные коммуникации.

Практически рядом с входной аркой, на бульваре, стояла скульптурная группа, постамент которой был украшен несколькими масками-маскаронами, попарно окруженными медальонами. Едва войдя, человек сразу же направился именно к ней. В городе царил субтропическая жара, и он, подойдя к статуям, поспешил избавиться от зимней одежды и обуви. Приложив руку к правому медальону, человек сунул зимнюю одежду в открывшийся рот маскарона выполненного в виде маски зверя отдаленно напоминающего льва и вновь коснулся, но уже левого медальона.

– Городскую одежду! – скомандовал он.

Маска медленно закрыла рот, но уже через десяток секунд открыла его вновь и, с выдвинувшегося из пасти языка, человек взял комплект одежды значительно больше подходивший для климата, царившего в городе. Накинув короткий хитон и закрепив его на плече фибулой, мужчина перепоясал его широким поясом, на котором было нанизано множество разноразмерных кармашков, надел сандалии с высокой шнуровкой, притопнул ногой и, не оглядываясь, двинулся по улице в сторону центра.

Дома по обе стороны широкой, не менее тридцати метров, улицы были сложены из более мелких, по сравнению с кладкой стены, блоков. Многие были оштукатурены или облицованы каменной или изразцовой плиткой, украшены пилястрами, филенками, барельефами и раковинами, и на всех без исключения фасадах красовались маскароны в виде голов зверей, чудовищ, а реже и человеческих лиц. Помимо украшения эти маски несли в себе и чисто утилитарные функции, служа внешними клапанами системам автоматической вентиляции, кондиционирования, а реже охранными или наблюдательными модулями.

На первый взгляд город был пуст, впрочем, и на второй тоже. Помимо отсутствия жителей на улицах, в нем уже поселился тот нежилой дух, что всегда сопровождает оставленные людьми дома и постройки. Так что, несмотря на идеальную чистоту улиц и фасадов домов, поддерживаемую автоматическими системами города, ошибиться было невозможно, город был оставлен жителями и уже довольно давно. Впрочем, это нисколько не напрягало человека, он размеренно шагал к одному ему известной цели, и блаженно щурясь, дышал отфильтрованным от пыли, слегка озонированным, в меру увлажненным и даже чуть-чуть ароматизированным, легким цветочным ароматом, воздухом.

Сам по себе город был не так уж и велик. Из конца в конец его можно было пересечь примерно за час, если двигаться быстрым шагом. Человек особо не спешил, так что вышел на центральную площадь где-то минут через сорок. В центре площади стояла громадная порталная арка, как впрочем, и большинство строений в городе, богато украшенная статуями и барельефами. После окончания эвакуации арку отключили от единой энергосистемы города, и теперь из транспортного терминала она превратилась в довольно нелепое украшение, зачем-то воткнутое в самый центр площади.

По периметру площадь была окружена административными и техническими зданиями, среди которых выделялось циклопическое строение, увенчанное громадным куполом. Системы этого здания не просто функционировали, а уже более чем полгода работали с максимальной нагрузкой. Именно благодаря установленному в нем оборудованию в городе были чистый воздух, комфортная температура и влажность, а главное – защита от большинства превратностей и неожиданностей, которые могли обрушиться на его население. Но это здание сегодня ни в малейшей степени не заинтересовало человека. Он направился к небольшому, по сравнению с этим гигантом, пятиэтажному домику, по четвертому этажу которого тянулся открытый балкон с поддерживающими кровлю колоннами.

Человек подошел к двухстворчатой двери, приложил руку к металлическому затейливому медальону, прикрепленному к створке и, дождавшись, пока двери распахнутся, вошел вовнутрь. Это здание явно не было покинуто, здесь люди были. Войдя, он скинул сандалии и с нескрываемым удовольствием шагнул на мягкий ворсистый ковер, устлавший весь пол. В конце холла находилась широкая лестница, чьи ступени также были укрыты ковровым покрытием, а влево и вправо уходили коридоры к помещениям первого этажа. Человек некоторое время потоптался у входа, дав возможность коврику очистить ноги от грязи и пота, и двинулся к лестнице.

Легко взбежав на площадку третьего этажа, он толкнул дверь и очутился в темном коридоре, идущем через все здание. Автоматика учуяла человека и зажгла несколько матовых шаров, осветив оба конца коридора. Он повернул направо и, пройдя мимо пары дверей, толкнул третью. Дверь не поддавалась, тогда он приложил руку к медальону, казалось вырезанному на полотне, и вновь толкнул. Реакции не последовало, дверь осталась недвижима. Человек попробовал еще раз, впрочем, с тем же успехом, обескураженно потоптался и вздрогнул от голоса, бесшумно подошедшей женщины:

– Алеп отменил твой доступ, вплоть до твоего возвращения из экспедиции, – она коснулась медальона, и дверь тут же распахнулась – Проходи, чувствуй себя, как дома! – женщина усмехнулась и первой зашла в помещение, – Что нового за периметром?

– Что-то он чересчур раскомандовался! – пробурчал человек и, зайдя в комнату, прошествовал к одному из мягких кресел, плюхнулся в него и продолжил, – В основном, там все то же, что и раньше, впрочем, есть и приятная новость, на обратном пути я обнаружил снег с крупинками пыли!

– Это не может быть ошибкой? – тут же встрепенулась женщина, которая как раз расправив подол туники, заняла другое кресло, мгновенно подстроившееся под ее фигуру.

– Ошибка практически исключена! – ухмыльнулся мужчина и, хлопнув по подлокотнику, скомандовал, – Стакан воды и подготовь горячую ванну! – после чего повернулся к собеседнице и спросил, – Ты что-нибудь будешь пить?

– Пожалуй, нет, – прижав палец к верхней губе, улыбнулась она, – Хотя, идея с ванной кажется мне вполне соблазнительной!

– Не начинай! – поморщился человек, – Мы вроде как все с тобой уже давно решили!

– Вот именно, что «вроде как», – передразнила его женщина и, легко вскочив с кресла, хмыкнула: – Ну, не буду вгонять тебя в краску, а то от вида твоих пунцовых щечек, система решит, что ее обожаемый хозяин болен и начнет доставать меня запросами по поводу твоего здоровья! – она направилась к выходу, но в последний момент обернулась и сказала, – Берегись! Информация, которую ты принес, очень не понравится Алепу.

Женщина вышла, а человек погрузился в раздумья. Впрочем, долго ему размышлять не пришлось, распахнулась дверь, ведущая в одну из смежных комнат, и из нее появилась мраморная девушка, несущая в руках поднос с заказанным напитком. Ее мраморный хитон перетекал складками словно настоящий, да и в движениях не было ни одного изъяна, немного подкачала мимика, но в остальном кибер был просто идеален.

– Ваша вода, господин! – приятным грудным голосом сообщила девушка и опустила поднос так, чтобы ему было удобно забрать бокал, – Ванна будет готова через пять минут.

– Благодарю, Авина! – улыбнулся он киберу и взял бокал, – Я скоро подойду.

– Да, господин! – поклонилась мраморная девушка и удалилась в смежную комнату.

Человек вновь погрузился в раздумья, машинально прихлебывая из бокала, пока тот не опустел. Он удивленно уставился на пустую посуду, хмыкнул и, встав с кресла, направился в ванную. Вода была идеальной температуры и человек, сбросив хитон, погрузился в ванну. Как же ему не хватало этого, все то время, что он провел в снежной пустыне за пределами города. Но сделанное им открытие стоило всех мучений! Атмосфера начала самоочищаться и главное начала раньше, чем предсказывали другие ученые. А это, в свою очередь, должно было значительно сократить срок этой ужасной зимы, вызванной падением осколков астероида.

Конечно, еще оставались мелкие частицы, собственно и образовавшие аккреционный диск, но по сравнению с количеством пыли поднятой в атмосферу после падения четвертого фрагмента, постепенное выпадение этой массы не должно было так уж существенно сказаться на климате. Значительно сложнее обстояло дело с потерей атмосферы. Уже сейчас давление уменьшилось на два процента, и этот процесс все никак не прекращался. А ведь все было так прекрасно рассчитано! Осколки должны были упасть в океаны, насытив верхние слои водяным паром. Да, ожидалось цунами, безумные дожди, само собой землетрясения, но четвертый незамеченный осколок смешал все карты.

Формально, он упал третьим, неожиданно вынырнув из плоскости аккреционного диска, и рухнул отнюдь не в океан. Разрушения на северном континенте были ужасны, погибло множество людей, в том числе и тех, кто прятался в подземных убежищах, но все это было полбеды. Бедой оказался тот безумный объем вещества, что взрывом был выброшен в атмосферу. Пыль вызвала жуткое похолодание на всей планете. А еще при взрыве была зафиксирована потеря давления. И началось то, что творится до сих пор, уже более пяти лет и грозит твориться еще лет пятьдесят, а то и все сто. Но его открытие позволяет надеяться, что этот срок окажется существенно меньше и вполне возможно, что нормальная жизнь станет возможна уже лет через двадцать-тридцать, а может и еще раньше.

Человек отмылся от наростшей на кожу грязи, вымыл волосы, вылез из воды, и не став вытираться и одеваться, отправился в спальню. Толком выспаться последнюю неделю ему тоже не удавалось, и теперь, когда он отмылся, постель манила просто необычайно. Автоматика, стоило ему войти в комнату, сразу же слегка подняла в помещении температуру и уменьшила влажность, создавая наиболее комфортные для хозяина условия. Мужчина добрался до гро-

мадного, пожалуй, что и трехспального ложа и буквально растекся по нему. Стекла в окнах потемнели, и в комнате наступил приятный полумрак, а звуковая система выдала чуть слышные звуки морского прибоя и легкого ветра качающего где-то высоко-высоко вершины деревьев.

Он улыбнулся, подмял поудобнее подушку и погрузился в легкий и приятный сон...

Евгений Петрович очнулся. Голова была тяжелой, а в ее затылочной части затаился комок боли. Запах помещения был непривычен и навевал тревожные мысли о больнице. Он попробовал открыть глаза и скривился от боли в затылке, а из полуоткрытых глаз брызнули слезы, впрочем, болевое ощущение было не долгим, и через пару минут Женя повторил подвиг. На сей раз ощущения оказались менее богатыми и ему, пусть и сквозь слезы, удалось осмотреть потолок. Потолок был выкрашен белой краской и покрыт паутиной трещин с обвалившейся местами штукатуркой. Попытка скосить глаза влево привела к новой вспышке головной боли, а полученная в результате этого издевательства над собой информация, явно того не стоила. Правда, ощущение больницы теперь стало иметь под собой определенную основу.

Отдохнув минут семь, Евгений Петрович решился на повторный эксперимент и, аккуратно приоткрыв глаза, скосил их вправо. Вспышка боли не шла ни в какое сравнение с предыдущей, и ему удалось обследовать не только еще один участок потолка, но и часть стены. Стена была окрашена препротивной казенной краской, видимо, по задумке, веселенького желтенького цвета. Цвет вызывал тошноту и желание больше никогда его не видеть. Женя вновь прикрыл глаза и задумался, что, наверное, строители долго подбирали нужный тон, для получения подобного эффекта, ибо для того, чтобы настолько обезобразить прекрасный цвет солнца, нужен не только талант, но и немалый опыт.

Полежав с закрытыми глазами, еще минут пятнадцать, Женя настолько окреп, что попробовал слегка изменить положение головы. Ощущения оказались умеренно неприятными, и осмелевший пациент повторил эту процедуру, уже приоткрыв веки. Ну, что сказать. Он точно находился в больнице, причем, в обычной городской. По-видимому, в травме. Кроме него в палате было еще трое больных, причем ближайший к нему мужчина был также как и он болен на всю голову, в смысле, имел забинтованную башку, недельную небритость и темный круг, под видимым Евгению Петровичу глазом.

Прояснив немного ситуацию – где он, Женя задался вопросом – как он сюда попал. Память дала неожиданный сбой, что порядком его беспокоило. Последнее воспоминание касалось того, что он отправился открывать дверь курьеру, и все, провал. Да еще и этот идиотский сон, виденный миллион раз! Хотя нет. Обычно действие, происходившее в этом сне, обрывалось значительно раньше, во всяком случае, он не помнил, чтобы раньше ему доводилось видеть город. «Или доводилось? Черт! Совсем мысли путаются!» – подумал Евгений и тут отчетливо осознал, что все вопросы, связанные с памятью, его больше нисколько не волнуют!

Мочевой пузырь вышел из коматозного состояния, оценил уровень накопившейся в нем жидкости и стал настойчиво сигнализировать, что ее явный переизбыток и с этим срочно необходимо что-то делать! Женя заворочался на койке, уже нисколько не беспокоясь о большой голове, с третьей попытки сумел принять сидячее положение и стал высматривать любую подходящую для его нужд емкость, о такой роскоши, как туалет в палате он даже не думал, а в своих силах, добраться до этажного галюна, порядком сомневался.

В палате не обнаружилось ничего подходящего, и Евгений Петрович принял решение – встать и идти! Решение далось ему довольно легко, но вот реализация оказалась тяжела, тем не менее, он сумел встать на порядком подрагивающие ноги и сделать первый шаг в сторону двери. От падения и конфуза его спас сосед по палате, тот самый, с перевязанной головой. Сосед тяжело слез с кровати, слегка покачиваясь, доковылял до Жени и, подхватив его под локоть, хрипло произнес:

– Ничё, браток! Прорвемся! Ты главное сознание не теряй, а то не удержу. А так доковыляем!

– Спасибо! – свистящим шепотом ответил ему Евгений Петрович и они медленно, но верно двинулись в сторону счастья, в виде белого фаянсового изделия массового потребления, спрятанного где-то там за семью дверями и поворотами, не хуже кощеева яйца из народных сказок.

Этот путь, в семьдесят четыре шага, оказался одним из самых сложных в жизни Жени, но он с честью выдержал его, хотя, под конец, уже практически висел на плече собрата по палате. Обратный путь оказался не в пример легче. Но стоило Евгению Петровичу переступить порог палаты, как на него набросилась помесь фурии и медузы-горгоны, по недоразумению обряженная в белый халат и с медицинской маской, спущенной на подбородок.

– Это куда ты ходил, обалдуй старый! Инфекцию по всей больнице разносил? – начала с ходу орать эта достойная кисти Рембрандта дама, – Курить бегал, небось? Алкаш! То-то за тобой уже полиция пожаловала! Сбежать хотел? А вот хрен тебе! От нас не сбежишь!

Больше всего Женя обиделся на эпитет – старый. В исполнении этой дамы он звучал, как-то особенно обидно. Зато выброшенная в кровь порция адреналина позволила ему, обогнув служительницу Гиппократы, практически не качаясь, прошествовать к своей кровати и сесть. Лишь сейчас Евгений Петрович обратил внимание, что, скажем так, довольно легко одет. Кроме безразмерных черных семейных трусов, явно с чужого плеча, на нем больше ничего не было. Он смутился, и это было мгновенно замечено фурией и придало ей новых сил:

– Все пропил! До трусов включительно, голодранец! – вновь начала набирать обороты Горгонистая женщина, но была прервана, вошедшим в палату сокамерником Жени, ну, в смысле сопалатником.

– Хлебало завалила и свалила! – тихо, но очень убедительно сказал вошедший и как ни странно это сработало.

Медработница как-то мгновенно увяла и, бочком покинув палату, унеслась по своим больничным делам. А сопалатник хмыкнул и, подойдя к Евгению Петровичу, протянул тому свою лопатообразную ладонь:

– Коля Ермохин! – сообщил он.

– Женя Петушков! – ответил Евгений и вновь смутился, ну, не любил он свою фамилию и чего уж греха таить, стеснялся ее, а уж, сколько она принесла в его жизнь всевозможных приключений, тут так просто и не сосчитаешь.

– Бывает, – хмыкнув, кивнул головой Коля, – Что случилось?

– А бес его знает! Ничего не помню! – развел руками Женя.

– Тоже бывает! – сообщил Ермохин и продолжил: – Отдыхай. По твою душу и вправду полицей заходил. Если чего, ты не тушуйся, зови. Голова она штука такая, сложная.

Коля доковылял до своей койки и лег, укрывшись простыней. А Евгений Петрович все-ррез задумался, что же такого произошло, и главное, что же он такое натворил, что за ним государев человек пожаловал. Так, ничего и, не надумав, лишь застудив немного ноги, хоть и август, а пол то бетонный, покрытый лишь тонюсеньким линолеумом, он тоже улегся, укрывшись простыней и решил немного подремать, в ожидании блюстителя порядка и в надежде хоть на какую-нибудь ясность, в собственном положении.

Глава 3

Человек проснулся. Сегодня он великолепно выспался, проспав без малого шестнадцать часов, но открыв глаза, еще с полчаса просто валялся в истоме на кровати, нежась и улыбаясь, в блаженном ничегонеделанье. Наконец, он встал, на что тут же отреагировала автоматика комнаты, убрав с окон затемнение. Утреннее солнце хоть и не было видимо за пылевыми облаками, но, тем не менее, окрасило комнату в бордовые тона. Такие цвета уже давно стали привычны и перестали навевать тоску, как в первый год, но сегодня подобная цветовая гамма явно оказалась человеку не по нутру.

– Затемнить окна! – раздраженно бросил он, – Включить свет, желтая гамма!

Его голос был услышан. Окна приобрели очень темный цвет и практически перестали пропускать в комнату красноту внешнего мира, а матовые шары тут и там развешанные по комнате залили все пространство ярким желтым светом. Тем не менее, человек продолжал хмуриться, и явно был раздосадован. Что-то бурча себе под нос, он быстро надел хитон, зафиксировал его на теле поясом и фибулой и, согнав складки за спину, вышел из спальни.

– Авина, завтрак! – крикнул он, – Я буду в кабинете!

Человек прошел через гостиную и, толкнув дверь на противоположной стороне комнаты, оказался в небольшом, по сравнению с другими комнатами, помещении с громадным столом-секретером и глухими шкафами вдоль стен. Обойдя стол, он уселся в кресло, откинул крышку секретера и достал головной обруч, украшенный несколькими камнями. Некоторое время покрутил обруч в руках и что-то решив, выщелкнул один из камней из удерживающей его оправы и заменил другим, после чего надел «корону» на голову и, прикрыв глаза, погрузился в транс.

Спустя минут десять человек снял обруч с головы, выщелкнул недавно вставленный кристалл и установил его в гнездо на крышке секретера, а саму «корону» небрежно бросил на стол. Пару минут мужчина, хмурясь, о чем-то напряженно думал, периодически постукивая пальцами по столешнице. Видимо, придя к какому-то решению, он вновь надел обруч и пробежался пальцами по узорам, украшавшим секретер, над столом возник шар голографической проекции. Человек прищурился и, погрузив в голограмму руки, стал совершать странные манипуляции, как будто что-то сортировал или гонял невидимые костяшки «пятнашек». Постепенно хмурое выражение сменилось легкой улыбкой, и он даже начал легонько насвистывать себе под нос.

Наконец закончив свои манипуляции, вынул руки из области занимаемой шаром, пару раз встряхнул кистями и с выражением удовлетворения откинулся в кресле, разглядывая одному ему видимое изображение. Спустя еще минуту, человек потушил голографический экран и убрал обруч на место. Стоило ему опустить крышку, как дверь распахнулась и в кабинет вплыла мраморная фигура с подносом в руках. Она двинулась к столу, но была остановлена словами человека:

– Я уже закончил, так что буду завтракать в гостиной.

– Как скажите, господин! – произнесла кибер и, развернувшись, покинула комнату.

– Хоть бы «Доброе утро!» сказала, – хмыкнул мужчина, вытащил кристалл из крышки секретера и сунул в один из кармашков на поясе, – А то заладила: «Как скажите», «Как будет угодно», «Слушаюсь», ну никакого разнообразия.

Он вышел в гостиную, где уже появился круглый низенький столик, на котором Авина расставляла посуду, потянувшись всем телом и двинулся к своему любимому креслу.

– Доброе утро, господин! – вдруг произнесла мраморная девушка, не прерывая сервировки, – Как вам сегодня спалось?

– Великолепно, Авина, просто великолепно! – с улыбкой произнес человек, – Подслушивала?

– Нет. Просто я всегда должна быть в курсе того, что происходит в доме, – ответила кибер, – Отметить подобную модель поведения, как предпочтительную?

– Ну, вот! Все впечатление испортила! – ухмыльнулся он – Хотя, пожалуй, действительно внеси эти изменения. Уж лучше ты будешь желать мне доброго утра, чем вообще никто.

– Изменения в модель поведения внесены, – сообщила Авина и через секунду добавила: – Завтрак готов, господин!

– Благодарю, Авина! Посмотрим, чем сегодня ты меня порадуешь! – сказал он и сел в кресло.

– Приятного аппетита, господин! – произнесла кибер и скрылась за дверью, ведущей в технические помещения.

Приступить к завтраку он не успел. С мелодичным струнным звоном в центре комнаты сформировался серебристый шар. Пара секунд и он растекся в экран со слегка закругленными краями, спустя еще мгновение на экране проступили черты бородатого лица. Человек с сожалением поставил назад, только что взятую тарелку, потянулся к подлокотнику кресла и что-то нажал, после чего изображение стало насыщенным и объемным.

– Я смотрю, ты уже вернулся! – сообщило изображение.

– И тебе тоже, доброе утро! – с усмешкой сказал человек и, закинув ноги на подлокотник, взял со стола первый попавшийся плод и с удовольствием укусил сочную мякоть.

– Ты уже готов к докладу? – слегка поморщившись, спросило изображение.

– Конечно, Алеп. Когда ты хочешь собрать совет? – слегка сузив глаза, ответил мужчина и вновь откусил кусок фруктовой мякоти.

– Я не считаю нужным созывать совет, – покачал головой Алеп, – Вполне достаточно будет координаторов.

– А я считаю нужным все же созвать совет в полном составе! – ухмыльнулся человек и, аккуратно положив огрызок на тарелку, продолжил, – Мне кажется, что ты за последние годы чересчур привязался к власти, а подобное к добру не приводит.

– Ты заблуждаешься, Мар, – нехорошо улыбнулось изображение, – Но будь по-твоему, я соберу совет завтра.

– Тогда до завтра! – кивнул человек и, коснувшись подлокотника, отключил связь.

Изображение в центре комнаты потускнело, экран съезжился и через мгновение пропал. Мужчина убрал ноги с подлокотника, закинул в рот пару ложек каши, даже не почувствовав вкуса и вновь нажал что-то на подлокотнике.

– Соедини меня с Куроном! – сообщил он в пространство.

Шар вновь материализовался, растекся в экран, но вот никакого изображения на нем так и не появилось. Человек побарабанил пальцами по столу и встал. Он несколько раз взад-вперед прошел по комнате, подошел к затемненному окну и уставился вдаль невидящим взглядом. Из задумчивости его вывел звонок коммуникационной системы. Человек оглянулся и с удивлением обнаружил, что его вновь вызывает Алеп. Недоумевая, он вернулся в кресло и дал команду на соединение.

– Забыл спросить, – вновь не здороваясь, произнес Алеп, – Ты обнаружил что-то интересное?

– Да, – честно ответил Мар.

– Расскажешь? – поинтересовалось изображение.

– Непременно, – улыбнулся человек, – Ничего не тая, все выложу на совете и даже мнемокопию предоставлю.

– Ясно, – сказал Алеп, – Ты сегодня куда-нибудь собираешься?

– Да вроде нет, – пожал плечами Мар, – А что?

– Просто интересно, – ответил глава координационного совета и отключился.

Человек снова пожал плечами глядя на съезживающийся экран, но исчезнуть полностью тот не успел, вновь последовательно развернувшись в шар и экран с проступившим изображением нового собеседника. Мар хмыкнул и активировал соединение. На экране проявилось улыбающееся бритое слегка пухлое лицо.

– О-о-о-о! Здравия тебе, бродяга! – сообщило изображение хорошо поставленным баритоном, – А я и не знал, что ты уже вернулся!

– И тебе здравия, Курон! Вернулся, вернулся. Еще вчера, – ответил с улыбкой Мар.

– Ну, а раз вернулся, давай ко мне, – голос Курона резко стал серьезным, – Есть новости, и клянусь, тебе они не понравятся!

– Все так серьезно? – вопросительно приподнял бровь человек.

– Более чем! Жду! – все так же серьезно бросил звонивший и отключился.

Человек некоторое время смотрел в сторону уже исчезнувшего экрана и о чем-то напряженно думал. Потом встал с кресла и направился к выходу из своего номера, но на полпути изменил направление и, толкнув дверь, зашел в кабинет...

Евгения Петровича бесцеремонно трясли за плечо. Он нехотя выпал из странного, но интересного сна и приоткрыв глаза, обнаружил рядом с собой мужика, плюс-минус его лет, в полицейской форме. Полицейский был в кепи и нашивках вечного старшего сержанта. Женя недоуменно на него уставился и только спустя несколько мгновений вспомнил, что им, вроде как, интересовались в полиции.

– Пошли, поговорим, – прокуренным голосом буркнул старший сержант и, убрав, наконец-то, руку с плеча Петушкова, косолапо направился к выходу из палаты.

Евгений Петрович, забывшись, резко спустил ноги с кровати, за что и поплатился, в затылок будто бы забили огненный гвоздь и стали им неторопливо водить из стороны в сторону. Женя скривился, чертыхнулся себе под нос, переждал несколько секунд, дождавшись того, что болевые ощущения несколько отступили и встал. Вставал он уже аккуратно, и избегая резких движений, особенно головой. Голова попыталась предательски закружиться, но он устоял.

В палате было откровенно прохладно, а семейники не давали ощущения уверенности, как от приличной и дорогой одежды, к которой, чего уж тут таить, Петушков привык за последние годы. Тогда Женя принял компромиссное решение и, вспомнив давешний сон, использовал простыню, на манер тоги, ну или банного одеяния, тут уж у кого какие ассоциации, но лично ему тога нравилась больше. Почувствовав себя патрицием на заседании сената, Евгений Петрович, зябко поджимая пальцы ног, прошествовал из палаты, с высоко поднятой головой, на которой явственно не хватало лаврового венка.

Высоко поднятая голова, однако сыграла с ним злую шутку, лишив обзора, а за время его сна, в палате произошли некоторые изменения. В частности появилось полупустое ведро с плавающей в нем тряпкой из суровой мешковины, то ли забытое, то ли преднамеренно оставленное уборщицей на проходе. Как не трудно догадаться, Евгений Петрович ведро задел, и да ладно бы задел, он пнул его чуть не со всей силы пальцами левой ноги, от чего ведро, разбрызгивая остатки грязной воды и издавая немислимые звуки, укатилось к двери. А сам виновник аварии болезненно скривился и попытался схватиться за пострадавшую конечность.

Даже находись Женя в своей обычной пусть и не идеальной спортивной форме, от такого происшествия он вполне мог не удержаться на ногах, что уж говорить о его настоящем самочувствии. В общем, Евгений Петрович по инерции пропрыгал пару шагов, поскользнулся на мокром полу и подрубленным деревом рухнул на пол, приложившись об него многострадальным затылком.

Спасительное забытье, однако, не наступило, видимо повязка, наложенная на голову, смягчила удар, а вот боль и головокружение набросились на Женину тушку и привели ее в

плачевное состояние. Все, что он успел сделать, это перевернуться на бок, после чего неудержимые порывы желудка выйти из тела больше сдерживать не смог. Вот в этом прискорбном состоянии он и был обнаружен ворвавшимися в палату полицейским и дежурной медицинской сестрой, привлеченными сюда необычными для данного помещения звуками.

Результатом этой прискорбной случайности был мат полицейского чина, мигом воссоздавшего в своем воображении, как само происшествие, так и причины его вызвавшие, причем на кого именно он ругался больше, понять было проблематично. Во всяком случае, из его речи следовало, что виноват не только сам Евгений Петрович, но и та старая . . . , хм, дама почтенного возраста, что установила ведро на пути следования потерпевшего, равно как и многие другие ответственные и безответственные работника больницы и даже некоторые члены правительства страны, в коей это лечебное учреждение имело несчастье быть расположено.

Из всей речи старшего сержанта, Женя выделил слово «потерпевшего» и оно воистину пролилось бальзамом на его истерзанную неизвестностью душу. В общем, его вернули на койку, вкололи пару уколов в филейную часть, молоденькая медсестричка оказалась настолько любезна, что умыла его лицо и даже дала напиться, после чего созерцавший всю эту картину полицейский осведомился, готов ли гражданин Петушков дать показания или ему все же необходимо немного отдохнуть? Евгений Петрович высказался за то, что он вполне готов и допрос или точнее опрос немедленно начался.

В начале Женя подтвердил, что он и есть тот самый Петушков, что родился он именно в указанный в протоколе день, указанного там же года, с трудом, но признал номер и серию своего паспорта и полностью согласился с тем, что действительно проживает. Дальше стало интереснее. Он выяснил, что скорая помощь и полиция были вызваны его соседкой, некоей Лидией Сергеевной Костричевской, одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года рождения, о существовании которой он, признаться, до сего момента, даже не подозревал.

Уважаемая Лидия Сергеевна была столь любезна, что не только вызвала компетентные службы и оказала Жене первую помощь, но и дала прибывшей всего через семьдесят четыре минуты группе врачей и полицейских подробные показания о пострадавшем. Нужно отметить, что блюстители порядка отнеслись к ее показаниям со всем вниманием, а вот представители скорой помощи пропустили данную ею информацию мимо ушей и указали в документе, впоследствии попавшем вместе с ним в больницу, что он, Петушков Е.П., человек, обнаруженный без документов. Собственно, в результате этого прискорбного происшествия, Женя и попал не в платную VIP-палату, где по слухам, даже телевизор есть, а туда, ну, в общем, куда он попал.

Но! Благодаря бдительности полиции, его, вот прям хоть сейчас, готовы перевести в нормальные человеческие условия, где оказать всю необходимую медицинскую помощь, конечно при условии, что оплата будет не с помощью полиса обязательного медицинского страхования, да ни к ночи он будет, помянут. Евгений Петрович выразил живейшее понимание бедственного положения отечественной медицины и уже практически почувствовал себя в отдельной палате, как случился неприятный эксцесс.

Выяснилось, что бумажник у Жени отсутствует, и вообще, в деле не фигурирует, соответственно отсутствуют как наличные, так и банковские карты, которые с успехом могли бы их заменить. Также, в деле никак не был упомянут Женин мобильный телефон, а как на грех, ни одного номера на память он не помнил, и это досадное недоразумение ставило жирный крест на возможной помощи друзей и знакомых. Предложение пациента расплатиться позже и получить услугу в кредит, не вызвало взрыва энтузиазма у, так сказать, принимающей стороны. Последним гвоздем в крышку свежепохороненной идеи перебраться в новую палату, стало отсутствие у Евгения Петровича семьи или близких родственников, которые непременно стали бы его разыскивать, и, конечно же, нашли и главное, тут же оказали ли бы посильную материальную помощь.

Выяснив всю эту информацию, старший сержант полиции поскущел и, казалось, потерял к Жениному делу всякий интерес. Охладел к нему также и медицинский персонал. Короче, дальнейший опрос прошел как-то скомкано и довольно быстро завершился заверениями блюстителя порядка, что, мол, разберемся. Ну, а с другой стороны, что старший сержант еще мог заявить? Приметы мужика, который доставил фальшивый заказ, Женя все же сумел вспомнить и особенно напирал на грязную маску и солнечные очки. Приметы второго нападавшего дать не мог, по причине того, что глаз на затылке не имел. Свидетелей нет, камеры показали спину, старательно отворачивающегося от них, предполагаемого злоумышленника. Так что, висяк, как есть, чистый висяк.

Полицейский, имени-фамилии которого он так и не узнал, покинул палату, медики ушли еще раньше и Женя остался один, ну если не считать других больных. Неожиданно тишину разорвал хриплый голос Коли Ермохина:

– Жень, слышь? Валить тебе надо до дома. А то вернешься в пустую квартиру!

– Точно! – раздалось от другой койки, надтреснутым басом, – Бывает такое!

– Ты далече живешь-то? – поинтересовался сиплый, но явно юношеский голосок, – А то я не местный, не понял по адресу.

– Минут двадцать, если на машине, – как-то на автомате ответил Женя и прерывисто вздохнул. Ему прямо до невозможности захотелось домой, но дом был где-то далеко, очень далеко и практически только в памяти его. Он сам не заметил, как стал погружаться в пучину жалости к себе и полного непонимания, что же ему делать дальше.

– Нормально, пары тысяч должно хватить, – вырвал Евгения Петровича из прострации все тот же сиплый юношеский голос, – У меня две штуки в записке есть. Мужики, а как его из больницы вывести-то? У него ж даже одежды нормальной нет.

– Придумаем чего-нибудь! – уверенно сообщил Коля, – У меня запасные спортивные штаны есть и футболка.

– У тебя какой размер ласт? – спросил надтреснутый бас.

– Чего у меня? – переспросил Женя.

– Размер обуви у тебя какой? – усмехнулся бас.

– А! – облегченно выдохнул Петушков, – Сорок четвертый.

– Нормально, – констатировал бас, – Больше, не меньше. У меня ласты сорок шестые, но шнурки затянешь, не спадут. Носки тоже найдутся.

– Во! – хмыкнул Ермохин, – Мир не без добрых людей. Осталось тебя вывести, но это я на себя беру. Сейчас отдыхай, а в восемнадцать тридцать будешь рвать когти.

– Спасибо! Большое! – растрогано сказал Евгений Петрович, – Я все верну, мужики! Честное слово!

– Да, ладно, забей! – хмыкнул сиплый юношеский голос, – Мир маленький, как-нибудь, да сочтемся.

– Спи, давай! – с усмешкой произнес Коля, – Вот еще, отдавальщик нашелся. Я тебе помогу, ты еще кому, он третьему. Так и живут нормальные люди. А вот это, новомодное, ты мне я тебе, неправильно это. Совсем неправильно, не по-людски!

Несмотря на все пережитое за сегодняшний день, Евгений Петрович, прикрыв глаза, практически мгновенно провалился в крепкий лечебно-оздоровительный сон.

Глава 4

... но на полпути изменил направление и, толкнув дверь, зашел в кабинет, где подойдя к ничем особо не украшенной стене, последовательно надавил на пару лепных завитков. У его ног в паркетном полу появилась щель. Он присел, надавил на нее пальцами и сунул руку в открывшийся тайник. Ничего особо интересного в нем не было. Пара кристаллов и странная конструкция, напоминающая ручную бомбарду в которой на месте запального отверстия торчал предмет похожий на камертон.

Мар достал бомбарду, внимательно осмотрел со всех сторон, отвинтил шишку, оказавшуюся полый, с казенной части, вставил в открывшееся отверстие один из кристаллов из тайника и старательно закрутил шишку обратно. Между рожек камертона проскочила голубая искра, на этом все визуальные эффекты и закончились. Человек удовлетворенно хмыкнул и сунул бомбарду в большой карман, крепившийся на поясе сзади. Штуковина вошла туда просто идеально, так что вполне можно было предположить, что именно для нее этот кармашек и предназначался. Оставшийся кристалл тоже покинул тайник и занял свое место в другом кармашке.

Человек встал с корточек, вновь нажал на элементы лепнины, что-то щелкнуло, и тайник пропал, как не было. После этого Мар больше нигде не задерживаясь, покинул свой номер и направился на второй этаж в другое крыло. В здании царила тишина, никто не встретился человеку по дороге и он спокойно добрался до номера занимаемого Куроном. На попытку открыть, дверь ожидаемо не поддавалась, тогда он нажал, на вырезанный на дверном полотне значок колокольчика, и вскоре услышал несколько щелчков от открывшихся замков. Человек удивленно повел плечом и вошел вовнутрь.

– Удивлен? – вместо приветствия спросил Курон.

– Вообще-то да. Зачем все это? – поинтересовался Мар, увидев лежащую на столе перед хозяином номера такую же бомбарду, какая была у него самого.

– Не хочу внезапно решить, что устал и отправиться в убежище или сойти с ума, как Кай и уйти в пустоши, даже не прихватив с собой какой-нибудь обуви, – даже без намека на улыбку ответил хозяин.

– У меня такое чувство, что я отсутствовал как минимум год, – буркнул гость, – Что происходит-то?

– Сколько человек собралось на последнем совете? – вопросом на вопрос ответил Курон.

– Кажется, тридцать четыре, – немного подумав, ответил Мар, – Да, точно тридцать четыре, а что?

– И где были еще шестеро? Вспоминай, когда ты их видел в последний раз, – продолжал наседать хозяин.

– Где-где, за периметром они были, вели исследования, – с раздражением ответил гость, – Я их вообще плохо знаю, они биологи. Я и пересекался-то с ними только на советах. К чему ты клонишь?

– Я не клоню, дорогой друг, я тебе прямо говорю, что шансов с ними встретиться и узнать их получше тебе уже не представится. Так как, якобы вернувшись после последних исследований, – как-то очень устало начал говорить Курон, – они всей своей группой решили, что очень утомились и ушли в убежище, ждать, когда все нормализуется. Вот только никто, кроме Алепа и пары его, скажем так, товарищей, их не видел. Тихо пришли, тихо ушли в убежище, ни с кем не встретились. Все хорошо! Я регулярно обзваниваю всех и могу тебе ответственно заявить, что из сорока человек нас осталось лишь двадцать четыре. Если честно, я и тебя считал ушедшим «на покой» с концами, и рад, что ошибся.

– Как так, двадцать четыре? Вроде как, по твоим же словам, речь идет максимум о семи наших товарищах? – с еще большим раздражением поинтересовался Мар.

– Да вот так, как-то, – развел руками хозяин, – Биологи были только началом. Потом «устали» почвовед и этнограф. А дальше буквально мор напал на тех, кто обслуживал автоматику убежища. Пять человек в течение недели, а вот дальше случилась промашка. Кай не захотел устать...

– Так! – поморщившись и выставив перед собой руку, веско произнес гость, – Что за бред! С чего ты взял? Ты, вообще-то, сам как, здоров?

– Здоровее многих, – хмыкнул Курон, – Сядь и смотри.

– Ну, допустим – с усмешкой согласился Мар, – И чем ты еще хочешь меня удивить?

– Когда стало понятно, – довольно занудным, менторским тоном начал хозяин, – что астероид не разрушится полностью, а его крупные элементы все же упадут на планету, было принято решение о строительстве убежищ, в которых в сон погрузились практически все наши граждане...

– Я помню это, – хмыкнул гость, – Видимо, ты меня с кем-то путаешь, я не столь молод. Я даже участвовал в строительстве одного из них.

– Да? Не знал, не знал, – улыбнулся Курон, – Тогда ты, наверное, легко скажешь мне, сколько всего убежищ было построено, можешь даже не считать те, что погибли на северном материке.

– Ну, – протянул Мар, – Точно не скажу, не мой, знаешь ли, профиль, но что-то около сотни.

– Шестьдесят восемь, – поправил его хозяин и включил экран, на котором появилась карта мира, – Вот эти зеленые точки и есть построенные убежища. Четыре было потеряно в силу тектонических процессов и семь на погибшем материке, они отмечены красным. А вот теперь смотри. Это началось две недели назад.

На экране побежал отсчет времени, имевший началом дату пятнадцать суток назад и стремительно приближающийся к текущему моменту. Вдруг одна из зеленых точек мигнула и окрасилась в желтый, потом мигнула вторая, третья. На текущий день зеленым цветом горело лишь две точки, остальные пожелтели.

– И что должна обозначать эта, – гость прищелкнул пальцами, – разноцветная иллюминация?

– Желтым цветом, – вздохнул Курон, – выделяются те убежища, в которых по каким-то причинам вышла из строя автоматика. Другими словами, люди будут спать в них до тех пор, пока их не разбудят в ручном режиме или до того момента, пока убежище не погибнет.

– Бред! – замотал головой Мар, – Так нужно срочно отправляться туда и чинить автоматику!

– Как ты думаешь, кто имеет доступ к этой информации, кроме меня? – проигнорировав призыв гостя, осведомился хозяин.

– Главный координатор, – не задумываясь, ответил гость.

– Молодец! – хмыкнул Курон, – А кто у нас главный координатор?

– Алеп, – как-то потеряно произнес Мар, – Но почему он ничего не предпринимает?

– Как же не предпринимает, – уже без всякой улыбки сказал хозяин, – Он как раз предпринимает и очень активно! Повторяю тем или иным способом уже нейтрализовано шестнадцать человек персонала нашего убежища, а десять, включая самого координатора, в курсе событий и готовят у нас такое же отключение.

– Но зачем? – с нескрываемым ужасом спросил гость.

– Пока не знаю! – хмуро буркнул Курон и немного помолчав, добавил: – Но обязательно узнаю! Мне...

Договорить ему помешал взрыв, от которого вздрогнули пол и стены всего здания. А следом, будто бы вторя первому, прогрехотало несколько взрывов поменьше. Хозяин и гость вскочили на ноги и...

Коля аккуратно потряс Евгения Петровича за плечо, прервав такой занимательный сон на самом интересном месте, и шепнул:

– Просыпайся и головой не трясись, а то, ну ты понял. Давай, тихонько одевайся. Одежда на тумбочке. Я там еще бейсболку положил, обязательно надень!

– Ага – все еще сонно произнес Женя и стараясь не побеспокоить голову, сел на кровати.

Одежда была старенькая, зато чистая и даже отутюженная. Кроссовки такой чистотой не отличались, зато были еще вполне крепкими. Осмотрев вещи, он натянул спортивные штаны и носки, затянув до невозможности шнурки, крепко зафиксировал поверх носков кроссовки, надел футболку с застиранной до не читаемости английской надписью и дополнил гардероб черной бейсболкой федерального бюро расследований Соединенных Штатов. В кармане штанов обнаружили две бумажки по тысяче рублей каждая. Евгений Петрович благодарно обвел взглядом палату и в ответ получил пару улыбок.

– Готов? – поинтересовался, критически осмотревший Женю, Ермохин – Ну, прям жених! – не удержавшись, хмыкнул он, – В смысле, в гроб краше кладут. Стой смирно, – добавил он и натянул бейсболку так, чтобы она полностью скрыла перевязанную часть головы, после чего достал откуда-то перочинный нож и ловко отрезал бинт крепивший повязку под нижней челюстью, еще раз оглядел получившуюся картину и сообщил – Так, теперь порядок!

Коля бесшумно переместился к двери в палату, приоткрыл ее и выглянул наружу, после чего махнув Петушкову рукой, мол, следуй за мной, выскользнул в коридор. Женя покорно последовал за своим провожатым, в голове крутилась всякая ерунда, основную часть которой составляли вопросы: «Куда?» и «Зачем все это?». Но вот что-то давно и казалось плотно забытое, юношески-задорное, вылезло, откуда-то из глубины души и толкало его вперед, твердя: «Думали, замуровали, демоны? А вот хрен вам! Прорвемся!».

В коридоре Ермохин подхватил Евгения Петровича под локоток и, четко отслеживая перемещения персонала и посетителей, потянул его как баржу, в сторону ближайшей лестницы. На площадке пришлось немного переждать, пропуская мимо уже знакомую Женю гарпию в белом халате, та лишь мельком мазнула по ним взглядом, опознала Колю и решила пройти мимо, не указав на вопиющее нарушение в виде отсутствия медицинских масок на находящихся за пределами палаты людях. Далее последовал спуск в подвальные помещения больницы, блуждания по каким-то коридорам и закоулкам, в которых Петушков сам давно бы потерялся и, наконец, выход на поверхность, уже совсем в другом корпусе.

Немного дав отдохнуть Женю на лавочке в рекреации, Ермохин вновь потащил его по коридорам, и спустя пару минут, вывел к центральному выходу из больницы. Охранник лишь мазнул по ним взглядом и вернулся к более интересному занятию, разглядыванию молоденьких медичек, которых как раз распределяли по отделениям. Евгений Петрович прежде никогда бы не подумал, что загазованный воздух центра Столицы может быть таким свежим и сладким. Он стоял и все никак не мог надыхаться. Идиллию прервал Коля, легонько хлопнувший его по плечу, и с залихватской улыбкой сказавший:

– Все, дальше сам!

После чего резко развернулся и шаркающей походкой направился обратно к больничным дверям. Женя какое-то время провожал его взглядом брошенного щенка, но взял себя в руки и двинулся к проезжей части. Машину он поймал далеко не сразу, видимо его вид не внушал особого доверия. Тем не менее, в Столице найдется извозчик для любой социальной категории, были бы деньги за проезд. Пожилой, против обыкновения, не разговорчивый выходец с Кавказа, обряженный в меру замызанную маску, спущенную на подбородок, на в усмерть

убитой шестерке с пропуском, распечатанным на чуть не половину лобового стекла, довез его до самого подъезда, потребовав всего полторы тысячи, долго отсчитывал сдачу мятыми полтинниками, и, высадив, не простившись, уехал.

Отсутствие ключей от подъезда остановило Евгения Петровича лишь на пару минут. Вскоре, кому-то из соседей приспичило выгулять собаку, и Женя шмыгнул в родной подъезд. Подъем на лифте и вот он выходит на площадке восьмого этажа. Сопалатники не ошиблись. Дверь в квартиру носила характерные следы от безуспешных попыток ее вскрыть. Замочные скважины, как настоящая, так и фальшивые были буквально выломаны, а на полотне остались царапины от какого-то инструмента.

«Обалдеть», – вяло подумал он: «Меня не было дома около суток и что? Чуть не в центре, среди бела дня, хотя может и ночью, кто-то пытался вскрыть мою квартиру и явно не бесшумным инструментом. И где полиция? Тишина, как будто, так и надо!». Но во всем этом была и огромная положительная сторона, Женя, осматривая «ворота в свою крепость», даже хмыкнул. Установленная одним старым клиентом, в счет оплаты бухгалтерских услуг, практически сейфовая дверь с хитрыми электромеханическими замками, выдержала все издевательства и сохранила имущество Евгения Петровича в неприкосновенности.

Женя приложил палец к столь же фальшивому, как и большинство замочных скважин, звонку и с удовлетворением услышал щелчок запоров. Он толкнул, легко и бесшумно открывшуюся дверь и, не забыв протереть звонок тыльной стороной руки, наконец-то, оказался дома. Пословица, про «Дома и стены помогают», конечно, верна, но вот объем переживаний пришедшийся на долю Евгения Петровича за последние сутки превысил некую незримую границу, в результате чего, стоило ему переступить порог квартиры и надежно запереть за собой дверь, как навалилось ужасное бессилие. Он сполз по стене на пол, в надежде переждать этот приступ, но головокружение лишь усиливалось с каждой минутой, так что пришлось лечь.

Во сколько он добрался до дома, Женя отменить не успел, так что, сколько он провалялся на полу в коридоре, осталось для него тайной, а более-менее оклемался он лишь в начале десятого. Сделанные в больнице уколы явно перестали действовать, голова просто раскалывалась, непрерывно мутило, и наступивший просто чудовищный упадок сил и не думал проходить, причем силы иссякли не только физические. Тем не менее, собрав себя в кучу, Евгений заполз в комнату и вот тут отчетливо понял, что без посторонней помощи просто и без особых затей сдохнет. Вот прямо здесь, посреди своей благоустроенной двушки, почти, что в центре города. Следом пришла еще одна мысль, что обратиться за помощью ему в сущности-то и не к кому.

Родители давно умерли. Близких родственников рядом нет, да и были бы, не факт, что помогли бы. Вот он сам, например, вряд ли бы кинулся на ночь глядя на помощь какому-то практически незнакомому мужику, который кем-то там ему приходится, не то братом, не то сватом. Друзья последних лет? Да какие они к чертовой матери друзья! Их даже приятелями толком не назовешь, так, выпить, порыбачить, поболтать. А отсутствие мобильного телефона ставило жирный крест, даже на гипотетической возможности сообщить им о своем бедственном положении. Вновь попадать в руки сотрудников нынешней медицины он был и вовсе не готов, по принципу, уж лучше сдохнуть дома.

Женя дополз до стола, в надежде на электронную почту, ценой невероятных усилий поднял себя в кресло и, переждав особо сильный приступ тошноты, включил ноутбук. Верный кремниевый друг с надкусанным яблоком на крышке не подвел и включился почти мгновенно. Евгений Петрович кликнул по иконке браузера и сначала недоуменно, а потом и неверяще уставился на появившееся по центру экрана окошко. Надпись гласила: «Оплаченный доступ в сеть интернет истек. Пополнить баланс вы можете...». Он минут пять смотрел на эту надпись, а из его глаз одна за другой мерно падали «скупые мужские» слезы.

Сам не очень понимая, зачем он это делает, Женя открыл верхний ящик письменного стола, поворошил лежащие сверху бумаги, достал ежедневник и вдруг обратил внимание на

старую записную книжку. Потерявшая всякую актуальность еще лет двадцать назад вещичка, лишь в силу случайности и отсутствия постоянной спутницы жизни, до сих пор не выброшенная на помойку, вызвала прилив нежности и ностальгии. Он взял ее в руки и стал медленно перелистывать страницы, на которых его детским, а позже юношеским подчерком были выведены давно ничего не значащие для него имена и вполне возможно не существующие городские телефонные номера. Так он и листал, прочитывал, вспоминал, пока не добрался до буквы «Л». Где среди Лен, Ларис и Люсь затесался Леха и его городской номер, еще семизначный, без обязательного теперь кода.

Будь Евгений Петрович в другой ситуации, он бы не за что не стал звонить по этому номеру, человеку с которым когда-то был, не разлей вода, а нынче, не видевшись более десяти лет, даже и не вспоминал. Почему-то трясущейся рукой он потянулся к трубке городского телефона, тоже бывшего, по сути, данью традиции того, еще советского прошлого. Внутренне сжавшись, он медленно, боясь ошибиться, набрал номер. Трубку долго не брали, но когда Женя уже практически отчаялся, то услышал удивленно-настороженное:

– Да!?!

– Леха? – каким-то чужим, надтреснутым голосом спросил Евгений Петрович.

– Да, – согласился голос в трубке.

– Это Женя, – откашлявшись и скривившись от боли в затылке представился Петушков.

На пару секунд повисло зловещее молчание, а потом трубка разразилась радостным:

– Женька, ты что ли? Здорово! А я тебя буквально намедни вспоминал, богатым будешь!

– Лех, скажи честно, ты очень занят? – слегка напряженным голосом прервал собеседника Женя.

– Да не особо, – хмыкнули в трубке, но потом голос собеседника резко изменился, – Жень, случилось что?

– Пожалуй, да, – проямлил Петушков, – Мне мало что башку не проломили, а может и проломили, не знаю, я из больницы сбежал, долго рассказывать. Можешь приехать? А то я даже до туалета дойти не могу. – зачем-то добавил он и тут же подумал, что после такого объяснения сам бы точно никуда не поехал.

– Да не вопрос, – неожиданно ответила трубка таким давно забытым, но, как и прежде, надежным Лехиным голосом, – Только я не знаю, где ты нынче обретаешься.

– Записывай! – облегченно выдохнул Женя и продиктовал адрес.

– Жди, через минут сорок буду, если пробок безумных не будет, – сообщил голос в трубке и отключился.

Евгений Петрович сполз на пол и на карачках медленно двинулся к домофону и даже слегка хмыкнул, подумав, что к приезду Лехи, как раз доберется. Добрался, конечно же, гораздо раньше и следующие полчаса провел как на иголках, периодически впадая то ли в забытие, то ли в тупое оцепенение. Гудок домофона разорвал гулкое пространство квартиры подобно выстрелу «Авроры». Женя, особо не думая о последствиях, дернул трубку за провод, закономерно получил ею по своей многострадальной голове, к счастью в лоб, а не по затылку и, сумев наконец-то поймать ее и пристроить к уху, хрипло произнес:

– Кто там?

– Да я это, я. Открывай! – раздался голос Лехи.

– Открываю! – глупо улыбнулся Евгений Петрович, но лишь со второй попытки попал трясущимся пальцем в кнопку разблокировки замка на двери подъезда.

С открытием входной двери вышло еще дольше и Лехе пришлось пару минут подождать в общественном коридоре, разглядывая следы вандализма, оставленные неизвестными на дверном полотне. Когда Женя все же справился с замком, то настолько обессилел, что практически упал на старого друга. Тем не менее, Леха явно не ожидавший подобного, былую реакцию не

растерял и сумел не только удержать Женю от падения, но и не уронить сумку и пакет, которые держал в руках.

– Ну, и тяжелый же ты стал! И на чем только так отожрался! – хрипел Алексей, затаскивая Евгения Петровича обратно в квартиру и таща его к дивану.

Уложив тело, Леха куда-то ушел, чем-то гремел, тихо ругался и вернулся обратно, лишь через минут пять, неся в руке свою сумку. Обнаружив журнальный столик на колесиках, он подогнал этот предмет мебели к дивану и стал доставать и выставлять на столешницу какие-то пузырьки и таблетки. Закончив и поставив сумку на пол, он критически осмотрел дело рук своих, после чего перенес внимание на Женю и, покачав головой сообщил:

– Да уж, Женька, ты нынче, что по массе, что по внешнему виду вылитый очковый медведь! Причем, не простой, а явно трехочковый! Как тебя угораздило-то?

Но Евгений Петрович не готов был к подробному рассказу о своих злоключениях. Он лишь блаженно улыбнулся своей фирменной улыбкой, попытался вымолвить, что-то, типа слов благодарности, но усилие оказалось запредельным, и он провалился в забытье.

Глава 5

... будто бы вторя первому, прогрохотало несколько взрывов поменьше. Хозяин и гость вскочили на ноги и, не сговариваясь, схватились за оружие.

– Я думал, у нас еще есть, по крайней мере, сутки, – поджав губы, произнес хозяин, – Но они решили начать уже сегодня!

– Что начать? – с нескрываемым ужасом переспросил гость, – Ты считаешь, что Алеп с компанией решились убить остальных? Но это же противоречит..., да всему противоречит!

– Возьми себя в руки! – брезгливо бросил Курон, – Не заставляй меня думать, что я выбрал не того человека!

Он вновь опустил в кресло, положил оружие на столик и, вызвав перед собой небольшой матовый шар, стал активно производить в нем какие-то манипуляции, периодически бросая взгляд на так и висящий в центре комнаты экран. Через пару минут он удовлетворенно откинулся в кресле и почесав бровь сообщил:

– Последнее убежище перестало отвечать. Я заблокировал доступ в наше, но для этого автоматику пришлось тоже отключить. Сейчас я передам тебе код, по которому, когда все уляжется, ты сможешь попасть вовнутрь и оживить спящих – хозяин помолчал, что-то прикидывая и продолжил – Тебе придется бежать и затаиться, возможно, даже на несколько лет. У тебя есть идеи, где ты сможешь продержаться?

– Н-нет, – внезапно начал заикаться Мар, но тряхнув головой и взяв себя в руки, он продолжил уже почти нормальным голосом, – Ты знаешь, я как-то не планировал никуда убежать! И еще, я что-то не очень тебе верю, Курон! Предъяви хоть одно доказательство!

– Изволь, – усмехнулся хозяин, и на экране появилась проекция комнаты, которую его гость покинул всего минут пятнадцать назад, – Ну как, впечатляет?

Комната медленно вращалась на экране, открывая все более чудовищные разрушения. Входной двери больше не было, частично отсутствовала и стена, находившаяся напротив. Недалеко от хозяйственных помещений застыли остатки статуи бывшие еще недавно Авиной. Голова была снесена начисто, также полностью отсутствовала и одна из рук, оторванная по самое плечо, вторая сохранилась до локтя. Фигура застыла в движении, и если бы все это не было столь ужасно, пожалуй, показалась бы даже красивой.

Впрочем, в комнате обнаружился еще один пострадавший. С этим парнем Мар знаком был плохо, он был из астрономической группы и по делам они практически не пересекались. Судя по всему, Авина пыталась защитить жилище хозяина и в этом преуспела. Гарон, так звали астронома, был плох и скорее всего не жилец. Кибер не могла нанести ему серьезного урона самостоятельно, зато сумела обрушить на него часть потолка, и теперь полураздавленный налетчик истекал кровью. В комнате не осталось ни одного целого предмета, все двери были выбиты, а в той части кабинета, которую было видно, бушевал пожар.

– Но как? – промямлил Мар, – Это же невозможно, если абонент не ответил!

– Как видишь вполне возможно. Просто у меня есть доступ к некоторым незапротоколированным возможностям обслуживающих систем, – с ухмылкой ответил Курон, после чего строго продолжил: – Ты не о том думаешь! Сядь и слушай!

Гость потрясенно опустил в кресло, а хозяин вновь погрузил руки в матовый шар, и в результате его действий в комнате начали происходить изменения. Оконные и дверные проемы закрылись опустившимися с потолка плитами, по виду металлическими. Стена между помещениями квартиры Курона слегка вспучилась и лопнула штукатурной пылью, впрочем, тут же высосанной из помещения системой вентиляции. Теперь на месте стены находилась дверь с металлическими створками. Остальные метаморфозы были менее масштабны, но вполне обычная комната стремительно превращалась во что-то хищное и уродливое.

– Вот теперь нам не помешают спокойно пообщаться, – удовлетворенно сказал хозяин, – То, что ты видишь это тоже не запротоколированная опция, – он жестко усмехнулся, – Ты помнишь историю? Инцидент с вариативным мутагеном, случившийся около ста лет назад?

– Ну, что-то такое было, – неопределенно махнул рукой гость, – В результате погибло население целого города, кажется Аркона или что-то типа того, еще всю область закрыли из-за биологического заражения. Пожалуй, все, глубже я этим вопросом не интересовался.

– В целом все верно, только... – Курон вновь усмехнулся, – Население не погибло, точнее, погибло не все. Процентом десять выжило и даже дало потомство.

– Почему же их не эвакуировали? – осторожно поинтересовался Мар.

– Наверное, потому, что это мутанты, – ответил хозяин, – Правда, что удивительно по-прежнему вполне генетически совместимые с нами. А еще потому, что в процессе действия мутагена они практически полностью утратили личности. Когда спустя семь лет после аварии их обнаружили, то выяснилось, что это новая раса, утратившая процентов семьдесят знаний, но при этом создающая свою новую и довольно необычную культуру. В общем, было решено, не вмешиваться, область вокруг города закрыли, благо там и нужно-то было перекрыть всего два перевала, и наблюдать к чему это в результате приведет. Скептики считали, что они вырождаются и вымрут в течение пары поколений, но вот у них сменилось уже шесть поколений, а они вполне здравствуют.

– Зачем ты мне это рассказал? – спросил гость, – Конечно, это очень интересно, но тем не менее?

– Когда стало понятно, что осколки астероида все же упадут на планету, – пропустив вопросы, мимо ушей, продолжил Курон, – было решено предупредить мутантов и вывезти их в те области, в которых они смогли бы выжить после похолодания. Поверили не все, но многие. Теперь часть из них проживает в резервации, примерно в полутора тысячах километров отсюда, сам догадаешься где?

– Запретная область на юго-западе, – Мар слегка наморщил лоб и прикрыл глаза, вспоминая, – Плоскогорье с несколькими озерами, самые большие: Упсала или Цельное, хотя мне попадалось и упоминание о нем, как об Упавшем озере и поменьше – Медвежье. Официально тоже некая биологическая катастрофа, – усмехнулся он.

– Точно! – кивнул хозяин, – Вот среди них ты и укроешься, об их существовании практически никто не знает и они вряд ли сильно заинтересуют новых хозяев планеты, во всяком случае, в ближайшее время.

– И как я туда доберусь? – поинтересовался гость, – Кажется, ты сильно переоцениваешь мои способности. Мой потолок это около ста километров от города, ну если дорога в один конец, может двести – двести пятьдесят, но не больше.

– На лодке полетишь, – пожал плечами Курон, – Вот, тоже, нашел проблему!

– Я могу подобрать с десятков более приятных способов самоубийства, – очень спокойно ответил Мар, – Начнем с того, что я не умею ей управлять, и закончим тем, что, если уж ты прав, и Алеп с компанией уничтожают всех, кто не с ними, то меня соьют раньше, чем я долечу до ледяного пояса.

– О! Да ты начал соображать, молодец! – усмехнулся хозяин, – Ничем управлять тебе не придется, тебя отвезет Адита, а сбивать тебя никто не станет. Забыл о незапротоколированных возможностях? Я тебе скажу больше, даже о самом существовании этой лодки никто не знает. Тебя еще что-то беспокоит или мы наконец-то прекратим терять время?

– Беспокоит, – кивнул гость, – С чего ты решил, что эти мутанты меня примут, а не сожрут, по тихой грусти? Еще меня интересует, говорят ли они на общем языке? Что я там буду делать? Чем питаться? Как долго мне там сидеть? Что конкретно делать в убежище и как я узнаю, что мне уже можно туда выдвигаться, и опять же, как я до него доберусь?

– О-у! Потише! – с усмешкой поднял и выставил перед собой руки Курон, – Не будет тебя никто жрать, разве что, попробуют по маленькому кусочку. Шутка! – вновь усмехнулся он, и став серьезным продолжил: – Они говорят на довольно интересном диалекте общего языка, непривычно, но скоро втянешься. Просто по прилету скажешь им, что тебя прислал Курон Ат-Род и сообщишь, что тебе придется попользоваться их гостеприимством несколько лет, дальше все устроится наилучшим образом. До убежища доберешься на лодке, так же как и улетишь отсюда. Уж постарайся не потерять их, я имею в виду и лодку и пилота, иначе пойдешь пешком! В лодке будут все инструкции и необходимые приборы. А теперь тебе пора, время на исходе!

Вторая последним словам хозяина, раздались несколько слабых взрывов, от которых вновь завибрировали стены и потолок. Посыпалась штукатурка, а на щите, перекрывшем дверь, появилась выпуклость. Мар встал, пристально посмотрел на хозяина и все же спросил:

– Почему ты не уходишь сам?

– Жить много лет среди дикарей-мутантов? – с ухмылкой стал ерничать Курон, – Ждать непонятно чего и тащить на себе ношу ответственности за всю нашу цивилизацию? Нашел дурака! Уж лучше я погибну тут в относительном комфорте и с оружием в руках, чем там, стану пищей жутких каннибалов! – он резко стал серьезен и все же ответил на поставленный вопрос, – Есть причины, Мар, есть причины. На их объяснение у нас просто нет времени, к тому же, есть не нулевой шанс, что я тоже смогу выбраться из этой заварухи и тогда мы вернемся к этому разговору.

– Хорошо! – кивнул гость и, хлопнув хозяина по плечу, бросился к открывшимся стараниями Курона дверям лифта. Но, уже собравшись шагнуть вовнутрь, Мар не выдержал и, обернувшись громко спросил: – Курон, кто ты такой, на самом деле?

Хозяин обернулся к нему и даже что-то ответил, вот только Мар ничего не услышал, сильнейший взрыв потряс здание, выгнув вовнутрь закрывающий дверь щит, швырнув самого Мара на пол и толкнув прямоком в лифт. Пока он очумело крутил головой и пытался восстановить слух, двери закрылись и лифт рухнул вниз. Мар заорал от ужаса, но падение вскоре сменилось плавным спуском, а спустя минуту лифт и вовсе остановился, двери начали открываться и...

– Василь Саньч, ну не смогу я сегодня приехать! – тишина секунды четыре, – Ай! Не спрашивайте. У старого друга проблемы, нужно помочь, – вновь тишина, секунд десять, – Да. Спасибо, шеф! – несколько секунд тишины, – Это уж само собой! – опять тихо, – За пару дней думаю, управлюсь. Ну, в крайнем случае, за три, – короткая тишина, секунды две, не больше, – Договорились! Всего доброго!

Этот странный монолог причудливо перемешивался с еще не померкшими видениями из сна и погружал разум Евгения Петровича в странное кружащееся состояние, сродни алкогольному опьянению более-менее качественным пойлом. Наконец, окружающий мир крутанулся как-то особенно вычурно, и Женя вновь провалился в сон, только на сей раз пустой без безумно-реалистичных цветных сновидений.

Следующее пробуждение было сложным. Сонная одурь никак не хотела отпускать Евгения Петровича из своих цепких лапок, но при этом организм настойчиво требовал встать и идти. Двигаясь в полусне на полном автоматизме, он добрался до туалета, а закончив, сдернул воду и все так же, без единой мысли, как сомнамбула вернулся в постель. Вот только уснуть вновь не получилось. Какой-то посторонний звук мешал и теребил мозг, требуя разобраться в сложившейся ситуации. Тем не менее, окончательно Женя выпал из протрации и обрел способность соображать, лишь спустя без малого час.

Так раздражавший его звук оказался храпом. Мысли заметались по голове загнанными кроликами, периодически ударяясь о границы черепной коробки и вызывая этим массу неприятных и даже болезненных ощущений. Евгений Петрович аккуратно приоткрыл глаза и ниче-

гошеньки не увидел! Вокруг царила жуткая, непроглядная тьма. Для полноты ощущений он не представлял, где находится, но точно не в больнице. Во-первых, отсутствовал тот неповторимый запах медицинского учреждения, что присущ им всем и не перебивается полностью даже в таких больничных отделениях как урология. Во-вторых, он точно помнил, что из больницы сбежал! И наконец, в-третьих, если он все же добрался до дома, то откуда в его квартире этот храп и темень, хоть глаз выколи.

Вдруг храп прервался на особо сочной руладе и сменился пронизывающей до костей тишиной. Чем дольше Женя в нее вслушивался, тем более гулкой и страшной она становилась, дошло до того, что он начал слышать стук собственного сердца и даже, кажется, гул крови текущей в венах и сосудах! И тут тишина лопнула тысячей мелких осколков брызнувших во все стороны от грома очередного всхрапывания, тут же сменившегося невнятным бормотанием, а спустя несколько томительных секунд двумя смачными шлепками чего-то по полу.

В мозгу Евгения Петровича в течение секунды пронеслось, по крайней мере, с десяток картин изображавших жутких монстров, с одним из которых он вынужден был делить помещение, в котором очнулся. Ужас и ватное бессилие навалились на него с такой силой, что он не смог даже заорать, с губ сорвался лишь какой-то надтреснутый ни то хрип, не то писк. И к еще большему ужасу Жени, монстр на это отреагировал! Смачные шлепки стали повторяться с, вгоняющей в отчаяние, периодичностью и неумолимо приближаться! Евгений Петрович сжался, мечтая лишь об одном, исчезнуть, раствориться в небытие, и очнуться в новом светлом мире!

Но и это оказалось отнюдь не последним испытанием, выпавшим сегодня на его долю. Дошлепав, монстр склонился над ним и, обдав дыханием, коснулся чем-то ледяным и влажным Жениного лба! Евгений Петрович забился и захрипел в почти предсмертных конвульсиях, сбросил со лба щупальце уже готовое проникнуть в его мозг и внезапно услышал испуганный Лехин голос:

– Жень, ты чего? Приснилось что?

Наваждение разом схлынуло. Сквозь плотно зажмуренные веки и сползшую на глаза повязку, пробилась полоска слабого света, уши разом уловили массу звуков, от проезжающих на улице автомобилей, музыку из квартиры снизу, ссору соседей сверху и даже плач ребенка, родившегося пару месяцев назад на шестом этаже. Евгений Петрович сдвинул повязку на лоб, открыл глаза и увидел обеспокоенное и порядком осунувшееся лицо Алексея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.